

Фалькаев Ильяс.

Расследования

Все упомянутые события и персонажи - подлинные и являются плодом детективного расследования. Средства на расследование предоставлены вшистской партией «Русский пиздец», агентом которой я являюсь. *И. Фалько*

- Юэ Синь. Об образовании и привилегиях
- Китайский Махно: генерал-анархист Чэнь Цзюньмин
- Ба Кин - «Духовный сын Эммы Гольдман»
- Шифу - первый стрэйтэджер из Гуанчжоу

Юэ Синь. Об образовании и привилегиях

Источник: [здесь](#)

Я родилась в стандартной пекинской семье среднего класса. У меня пекинская хукоу (аналог российской прописки – И.Ф.), у моей семьи есть квартира в Пекине. Я чувствую себя очень виноватой, когда печатаю эти слова, потому что для большинства китайцев это вещи, которые они, возможно, не смогут получить, даже если всю жизнь будут усердно работать. Но я, можно сказать, родилась с ними.

Моя мама – сотрудник государственного учреждения, но большую часть дохода она получает, занимаясь логистикой. Мой отец был государственным служащим до выхода на пенсию. В основном, кормилица нашей семьи – моя мама. Я говорю, что я из семьи среднего класса, потому что, с одной стороны, мне никогда не приходилось беспокоиться о материальном благополучии до того, как я вступила во взрослую жизнь; с другой стороны, у меня были друзья детства, которые принадлежали к действительно богатым семьям, и я, наверное, не смогла бы потратить столько денег, сколько они, за всю свою жизнь. Интересно, что слова «средний класс» я выучила, когда была шестилетней ученицей первого класса начальной школы. Сейчас мне 20 лет, и я все еще думаю, что этим словосочетанием можно описать экономическое положение моей семьи.

На собственном опыте я познакомилась с тем, о чем вы читали в популярных статьях в WeChat: вступительные экзамены в среднюю школу в Пекине, группы для подготовки к математическим олимпиадам, а также внеклассные занятия по выходным дням. Но если вспомнить, то в детстве я все же наслаждалась довольно непринужденной образовательной обстановкой. Родители записали меня на эти внеклассные занятия, но они не особо подталкивали меня к хорошим оценкам. На самом деле, когда я училась в третьем классе начальной школы, до них дошли слухи, что на вступительном экзамене в среднюю школу больше не будет теста по олимпиадной математике, и их первой реакцией было то, что они разрешили мне бросить эти занятия по математике. Это я беспокоилась о своих оценках, в то время как мои родители больше заботились о моем психологическом благополучии. В то время у меня был низкий эмоциональный IQ. Я чувствовала себя очень виноватой и даже причиняла себе боль, когда получала плохие оценки из-за небрежности. И, конечно, эта относительно спокойная образовательная среда также была связана с тем, где именно я жила в Пекине. Я ходила в начальную школу в районе Дунчэн и среднюю школу в районе Сичэн (районы в старой части города – И.Ф.). В район Хайдянь (университетский район, здесь находится Пекинский университет; чтобы обеспечить своим детям места в лучших школах, некоторые родители специально перемещают свои хукоу в этот район, где самая высокая концентрация отличных школ, аффилированных с университетами города, а цена

за один квадратный метр в домах рядом с такими школами доходит до 30 000 ам. долларов – И.Ф.) я переехала только после того, как поступила в высшую среднюю школу.

Наверное, из-за того, что пережило их поколение, моих родителей не так волнует политика. Они не поощряют меня беспокоиться о политике и не поощряют обсуждение политики в нашей семье. Их самая большая надежда – что я буду «приземленным» и счастливым человеком, и их самое большое беспокойство заключается в том, что я попаду в неприятности из-за того, что слишком много забочусь о политике, не имея возможности ориентироваться в ситуации. Скажу так: моя мама – из тех, кто поощряет дочь больше смотреть телевизор. Ее рассуждения: смотря больше телепередач, человек может стать более «приземленным», научиться больше мирской мудрости и тратить меньше энергии на социальные вопросы. Было много людей, которые интересовались профессией моих родителей. Они думали, что это мои родители культивируют мою страсть к политическим и социальным вопросам. На самом деле, ко мне этот интерес пришел из школы и из моих внеклассных занятий.

Я очень благодарна родителям за то, что они смогли предоставить мне беспрепятственную материальную жизнь и относительно непринужденную образовательную среду. И, конечно же, я прекрасно понимаю, что их мысли иногда отличаются от моих. Например, они совершенно не способны понять проблемы ЛГБТ, не способны понять вегетарианство, проистекающее из этических, а не религиозных соображений. Я спорила с ними, когда училась в старших классах, и однажды спор закончился довольно неприятно. Потом я пошла к нашему школьному куратору. (Здесь я хотела бы еще раз подчеркнуть тот момент, что если вы находитесь под эмоциональным давлением или сталкиваетесь с трудными проблемами, пожалуйста, обращайтесь за профессиональной помощью. Не принимайте все это в одиночку). А позже я редко спорила со своей семьей на эти темы. Но если я вижу, что они репостят явно псевдонаучные слухи в WeChat, я все равно указываю им на это, вне зависимости от того, будет ли это иметь значение или нет.

Что касается религии, то мои родители такие же, как и большинство китайцев: они не религиозны, но и не являются строго атеистами. Ведь настоящие атеисты не пошли бы в храм перед вступительными экзаменами в колледж, не заплатили бы денег за молитву и не вернулись бы снова, чтобы выразить благодарность после того, как их ребенок поступит в Пекинский университет. Но, тем не менее, как и большинство китайских детей, я выросла в светской среде. Лишь после того, как я посетила Индонезию и узнала из интервью о борьбе и притеснениях, которые испытывали дети из преданных религии семей, я по-настоящему почувствовала, как мне повезло, что я выросла в светской стране и светской семье.

Можно с уверенностью сказать, что каждый большой шаг, который я сделала за первые 20 лет своей жизни, сопровождался невероятной удачей. Минувя вступительные экзамены в среднюю школу, я смогла поступить в хорошую среднюю школу из хорошей начальной школы через предварительные собеседования; на вступительных экзаменах в высшую школу я набрала достаточно баллов, чтобы поступить в высшую школу, аффилированную с Китайским народным университетом; и опять же, на вступительных экзаменах в колледж я набрала достаточно баллов, чтобы поступить в Пекинский университет. Между вторым и третьим курсами, в последнюю минуту я смогла получить государственную квоту, была

зачислена в иностранный университет, и стала единственной студенткой третьего курса всего языкового факультета, отправленной за границу на государственную стипендию (Юэ Синь стажировалась в Университете Индонезия – И.Ф.). Но я не собираюсь благодарить Бога за это везение. Во-первых, я не верю в Бога, во-вторых, моя академическая подготовка в области социологии говорит мне, что все это результат структурной несправедливости в обществе. Те, кто благодарит Бога и чувствует себя хорошо, глупы и дурны.

Другие могут спросить: вы попали в эти школы благодаря собственным оценкам, что в этом несправедливого? Позвольте мне рассказать о моем небольшом опыте в 12-м классе. Я усердно училась в 12-м классе, но моя «усердная работа» была не совсем на том же уровне, что у учеников Хэншуй и других известных высших школ: меньше месяца оставалось до сдачи вступительных экзаменов в колледж, у меня все еще было свободное время, чтобы почитать «Наньфан чжоумо» (еженедельная газета, издается в Гуанчжоу; одно время пользовалась популярностью у либерально ориентированной интеллигенции – И.Ф.). И я использовала кейс, о котором прочитала в газете, в своем эссе на вступительном экзамене в колледж. Речь шла о похоронной реформе в Аньцине. И менее чем за три дня до экзамена, я все еще могла себе позволить роскошь смотреть телевизор. Что это был за выпускной год? Вопреки всему, я поступила в Пекинский университет. А сотни тысяч моих сверстников в этой же стране, выдержавших жестокое давление учебы, скорее всего, даже не смогут поступить ни в один университет.

Несправедливость заключается не только в хукоу или регионах, но и в самом тесте, и в стандартах приема. Вообще-то, я не очень хорошо сдала математику. И мои итоговые оценки по гуманитарным предметам были намного ниже, чем на практических тестах. Можно сказать, что идеальный балл, который я получила за эссе, был единственной причиной, почему я набрала достаточно баллов, чтобы поступить в Пекинский университет. А те, кто со мной знаком, или читал другие мои статьи, знают, что мой стиль написания не так уж и красив, и я не лучше пишу, чем мои сверстники. Если за эссе я набрала больше баллов, то в основном из-за так называемого «чувства социальной ответственности», которое нашло отражение в моих работах. Конечно, чувство социальной ответственности было настоящим. Я на самом деле не могла остановить себя, чтобы не выразить это в своих эссе. Однако, если у меня было немного рациональных мыслей по социальным вопросам и критических мыслей по поводу социальной несправедливости, то только благодаря образованию, которое я получила в школе, и моим внеклассным чтениям; я могла наслаждаться этими превосходными образовательными ресурсами и внеклассными возможностями, но большинство людей не смогли бы этого сделать. Это, в конце концов, и есть социальная несправедливость.

С юности я никогда в жизни не испытывала никаких неудач или ударов. Лишь один раз моя семья пережила некоторые проблемы, когда мне было 17 лет, летом перед старшим классом моей высшей школы. Я не хочу подробно останавливаться на этом, потому что не хочу, чтобы люди жалели меня за это. В конце концов, эта одна неудача не может компенсировать гораздо большую удачу, которая мне сопутствовала. Только когда я заметила, что некоторые мои друзья также пережили подобные семейные неудачи, я рассказала им об этом, потому что надеялась, что мой опыт постепенного восстановления после собственных и семейных неудач действительно поможет другим людям.

Если бы мне пришлось кратко рассказать о своей семье и происхождении, а также о своем воспитании, то мне пришлось бы сказать, что это очень жестокая причинно-следственная цепочка: я родилась с пекинской хукоу и очень хорошим семейным окружением. Потом у меня было превосходное начальное и среднее образование. То, что я имела, позволило мне поступить в Пекинский университет, не подвергаясь нечеловеческим пыткам. А поступить в Пекинский университет – значит пользоваться репутацией и даже материальными благами, которые сопутствуют его бренду: если бы я не поступила в Пекинский университет, я бы не заработала свою небольшую репутацию только потому, что проводила обычные уроки полового воспитания для деревенских детей; если бы я не поступила в Пекинский университет, статьи, которые я посылала каждую неделю в «Наньфан чжоумо», наверное, не занимали бы видные места в газете столь долгое время, даже если бы они понравились редакторам, так что я не смогла бы иметь относительно стабильный источник дохода в студенческие годы. (Одна статья содержит около 1200-1400 символов, а мне платят 800 юаней. Если я буду публиковаться каждую неделю, то буду получать доход в 3200 юаней каждый месяц.) И в обозримом будущем репутация моей Школы принесет мне больше пользы, несмотря на то, что эта репутация была создана в основном моими предшественниками в Пекинском университете, а не моими собственными усилиями.

Если говорится: «Живущий в бедности занимается лишь самим собой, постигший истину способен делать добро и для людей» (высказывание древнекитайского философа Мэнцзы (372 до н.э. – 289 до н.э.) – И.Ф.), то я – тот «постигший истину» человек. Если говорится: «Те, кто в поезде, обязаны двигаться вперед», то я – человек «в поезде» (отсылка к песне гонконгского певца Линь А Пи из группы My Little Airport – И. Ф.). Я даже не осмеливаюсь думать, сколько людей я «съела» – пользуясь отсылкой к Лу Синю (имеется в виду рассказ писателя Лу Синя «Записки сумасшедшего», герою которого кажется, что все вокруг – людоеды – И.Ф.). Хотя, как атеистка, я могу ошибаться, говоря о христианстве, я все же хотела бы использовать метафору, которую вы, возможно, поймете: должна признать, что часто я чувствую, что несу первородный грех. Этот «первородный грех» не от Царства Божьего, а от Царства человеческого. То, что я несу – это первородный грех структурной несправедливости всего этого общества.

Мои возможности ограничены, и у меня много, много недостатков. Но я в полной мере осознаю свой долг упорно трудиться каждый день, стараться изо всех сил совершенствоваться, стараться сделать что-то, чтобы это общество стало лучше – многое из этого исходит от глубокого чувства тревоги и вины.

У меня вообще нет причин не идти вперед; у меня вообще нет причин идти вперед только ради себя самой.

У меня нет причин не сражаться

Чтобы уменьшить чувство тревоги и вины у наших детей.

Китайский Махно: генерал-анархист Чэнь Цзюнмин

28 ноября, 2017, источник: [здесь](#)

Чэнь Цзюнмин российскими историками характеризовался как генерал-милитарист, предавший первого президента республики Сунь Ятсена и изгнавший его из Кантона. Например, в книге И. Ермашева «Сунь Ятсен» Чэнь Цзюнмин назван исключительно «типичным милитаристом» и «предателем», подсылавшим к Сунь Ятсену убийц. Ермашев пишет, что Чэнь вел тайные переговоры с южными генералами о создании «Федеративного правительства автономных провинций», а когда эти переговоры провалились, вступил в сговор с главой северной клики У Пэйфу и устроил мятеж. При этом остается совершенно

непонятной причина расхождений между Сунь Ятсеном и его соратником с дореволюционных времен Чэнь Цзюнмином. Попытку реабилитации предпринял сын генерала Лесли Чэнь, выпустивший ряд работ на эту тему. По мнению Лесли Чэня, биографию его отца извратили как коммунисты, с одной стороны, так и националисты, с другой. Истинная биография Чэнь Цзюнмина в пересказе Лесли Чэня выглядит примерно так.

Предыстория

В первой половине XX века Китай, мучительно искавший модель модернизации, сотрясли несколько крупных движений:

1. Новая политика реформ и конституционное движение позднего периода династии Цин, 1898-1911;
2. Республиканская революция 1911;
3. Движение за новую культуру периода «4 мая» 1919 года;
4. Федералистское движение в 1920-1926 гг;
5. Националистическая (Гоминьдановская) Революция 1926-1949 и
6. Коммунистическая революция 1949 года.

Чэнь Цзюнмин (1878-1933) сыграл важную роль в первых четырех из этих движений. По образованию он был юристом и стал цинским законодателем, республиканским революционером, военным лидером, гражданским администратором и федералистом, который стремился преобразовать Китай в демократическую республику.

Однако Чэнь канул в безвестность из-за своего несогласия с Сунь Ятсеном о направлении, которое должны принять реформы. Сунь хотел объединить страну силой и изменить институт власти путем централизованного управления, основанного на однопартийной системе. Чэнь выступал за многопартийный федерализм и мирное объединение Китая. После восстания войск Чэня в 1922 году, которое заставило Суня бежать из Кантона (Гуанчжоу) и отсрочить его северную экспедицию, Сунь ополчился на Чэня. Националистическая партия Суня (Гоминьдан) быстро начала публиковать клеветнические материалы о Чэне, чтобы дискредитировать его. Коммунисты, которые вступили в союз с Сунем и которые до сих пор считают его отцом китайской революции, продолжают характеризовать Чэня как предателя и реакционного военачальника.

Конфликт между Сунем и Чэнем был конфликтом двух различных концепций национального строительства – централизма и федерализма. Четыре года спустя, в 1926 году, когда Северная экспедиция националистически-коммунистического союза прокатилась через южные и центральные провинции, все провинциальные учреждения, провинциальные и местные собрания, а также местные самоуправляемые общины, ассоциируемые с представлением о федеративном государстве, перестали существовать. История Чэнь Цзюнмина и федерализма с тех пор оставалась скрытой за националистическими и коммунистическими оценками современной китайской истории.

Доклад Уинстона Се, опубликованный в 1962 году, стал первой западной научной работой, которая дает сочувственный анализ политической карьеры Чэня с акцентом на его идеи и идеалы. Се отмечает, что Чэнь имел сильную интеллектуальную близость и политические связи со многими китайскими анархистами и что он становился большим покровителем анархистского движения всякий раз, когда оказывался у власти. Три десятилетия спустя, в 1990-е годы, аналогичные замечания были сделаны в трех подробных работах, написанных о китайском анархизме, соответственно Зарроу (1990), Дирликом (1991) и Кребсом (1998).

В статье Се была описана политическая деятельность Чэнь Цзюньмина, в том числе его сочинения в Чжанчжоу в период Четвертого мая и в Гонконге в последние годы его жизни. Чэнь был одним из основателей и покровителей анархистской террористической группы во время республиканского революционного движения 1910-1911. Группа была самой идеалистической и морально сознательной среди всех радикальных организаций в движении. После успешного свержения династии Цин группа распалась; Чэнь продолжал быть покровителем и защитником своих анархистских друзей и товарищей, которые оказались вовлечены в социальное и культурное реформаторское движение в Кантоне. В период Четвертого мая Чэнь создал с помощью анархистских интеллектуалов «идеальный» город Новой Культуры в Чжанчжоу, Фуцзянь, который получил признание критиков как в Китае, так и за рубежом. Вернувшись в провинцию Гуандун в 1920-е годы, Чэнь активно способствовал мирному объединению страны через «китайский федерализм» – продвигая объединение «снизу-вверх», что, очевидно, имеет анархическое происхождение.

Философ Джон П. Кларк определяет анархизм как политическую теорию, которая должна содержать:

1. видение идеального, не принудительного, не авторитарного общества; критику существующего общества и его институтов, на основе этого антиавторитарного идеала;
2. видение идеального, не принудительного, не авторитарного общества;
3. критику существующего общества и его институтов, на основе этого антиавторитарного идеала;
4. представление, что человеческая природа может значительно прогрессировать по направлению к идеалу; и стратегию изменения, включающую неотложный набор не принудительных, не авторитарных и децентрализованных альтернатив.

Китайские анархисты распространяли свои идеи, публикуя журналы, книги и памфлеты в Париже, Кантоне, Чжанчжоу и Шанхае. Один из теоретиков китайского анархизма Лян Бинсянь так резюмировал их действия в тот период:

1. Интерпретировали и пропагандировали теории социальной революции и частной собственности Прудона; коммунизм и теорию взаимопомощи Кропоткина в дополнение к социальному дарвинизму; и философию жизни Кропоткина.
2. Противостояли расизму, национализму и милитаризму.
3. Выступали против договорного брака и брака ради прибыли и за свободу любви.
4. Боролись за свободу личности, социальное равенство и бесклассовое, но организованное общество.

5. Выступали против империализма и национальных границ; продвигали мир Великой гармонии.

6. Противостояли религии, одурманивающей сознание людей; выступали за мобилизацию человеческой мудрости, чтобы улучшить физический мир.

Китайские анархисты были в числе первых, кто осуждал конфуцианство, обсуждал феминизм, содействовал реформе языка, а также организовывал профсоюзы. Они унаследовали конфуцианскую философию человеческой благости и они считали, что у человеческих существ есть качества, которые позволяют им жить вместе в мире Великой гармонии. Таким образом, они отвергли идею Утопии, которая якобы существует за пределами нашего мира, и утверждали, что Великая гармония достижима посредством начала реформ в каждой общине.

Для анархиста не может быть никакого разделения между революционным процессом и революционной целью. Именно на этом вопросе о целях базировалось расхождение во взглядах между анархистами и марксистами, а не на их видении идеального общества. Китайские анархисты стояли против классовой борьбы для достижения бесклассового общества. Они критиковали марксизм за создание центра власти либо в пролетариате либо в «представляющей» его коммунистической партии, которые воспроизводили те самые властные структуры, отвергаемые им в теории.

Ранняя революционная деятельность

Чэнь Цзюньмин родился в 1878 году в Хайфэне, Гуандун, в помещичьей семье, которая обладала определенным богатством и славилась ученой репутацией. Он начал изучать конфуцианскую классику в возрасте пяти лет и получил степень сюэя, когда ему было двадцать два. В 1906 году он поступил в Академию права и политологии в Кантоне и закончил ее два года спустя лучшим в классе. Только что созданная академия предназначалась правительством Цин для подготовки будущих чиновников, особенно парламентариев. Учреждена она была в рамках программы реформ, предназначенных подготовить Китай к конституционной монархии – усилия эти напоминали происходящее в Японии после реставрации Мэйдзи 1868 года. Академия пригласила японцев и китайцев, обучавшихся в Японии, давать курсы японского конституционного движения и западного образования.

Два события характеризуют раннюю приверженность Чэнь Цзюньмина к участию в местных и национальных делах. Первое привело к успешному импичменту окружного судьи за жестокое и неподобающее поведение. В итоге незаметный студент юридического факультета из удаленного городка в Восточном Гуандуне приобрел в провинциальной столице репутацию лидера, готового рисковать своей жизнью ради борьбы с несправедливостью. Добавило Чэню популярности и то, что он отказался получить финансовое вознаграждение за свои усилия.

Второе событие произошло во время отпуска Чэня из академии в феврале 1908. У исторического святилища поэта, педагога и полководца Вэнь Тяньсяна в Хайфэне Чэнь уговорил более тридцати молодых людей из деревни присягнуть тайной поддержке национальной революции. Группа Чэня была составлена из доморощенных деревенских интеллигентов из антимаңчжурского движения, не получивших ни иностранного образования, ни бывших членами одного из традиционных тайных обществ. В то время как в Китае многие революционные группы разделяли сильные националистические и антидинастические взгляды, хайфэнская группа отличалась от своих зарубежных соотечественников, вроде Сунь Ятсена, которые призывали к падению маңчжурского режима, сидя в тихих гаванях зарубежных стран. Для этих сельских интеллигентов революция была средством к ближайшей цели, искоренением страданий и социальной несправедливости, которые окружали их каждый день. Они уделяли особое внимание проблеме местной реорганизации и социальным реформам. Как и анархисты, они хотели, чтобы социальная революция немедленно последовала за успешной национальной революцией.

После окончания Академии в 1908 году, Чэнь вернулся домой, где в 1909 году основал «Хайфэн цзычжи бао» («Газета хайфэнского самоуправления»). Чэнь был главным редактором, а несколько других его деревенских товарищей редакторами. Они, не колеблясь, обличали социальные недуги, постоянно добавляя, например, заголовок «зло неравенства» к сообщениям о кражах или грабежах. В октябре, всего через год после достижения минимально положенного тридцатилетнего возраста, Чэнь был избран в первое Собрание провинции Гуандун в Кантоне. Там он участвовал в разработке практической политики одновременно с тайной работой по свержению династии Цин.

До успешного восстания в Учане, которое привело к революции 1911 года, Чэнь участвовал в двух неудачных восстаниях в Кантоне: восстании новой армии 12 февраля 1910 года и восстании 27 апреля 1911 г. Неудачи заставили Чэня изменить стратегию – он решил переключить внимание с вооруженной до зубов и находящейся в полной боевой готовности столицы провинции. Когда весть об учанском восстании 10 октября 1911 года достигла Кантона, Чэнь тайно уехал в свои родные районы в Восточном Гуандуне, чтобы поднять революционную армию. Крестьяне составляли основную часть этой армии; ими руководила смешанная группа бывших военнослужащих, членов тайных обществ, местных интеллигентов и китайцев-эмигрантов из Юго-Восточной Азии. Чэнь Цзюньмин, в первый раз в своей политической карьере, оказался верховным главнокомандующим армии, которую с полным правом можно было бы назвать «народная революционная армия». Для флага своей армии Чэнь принял древний знак системы одинаковых земельных участков «колодец-поле», подписав его старой китайской поговоркой «земля – земледельцу».

Армия Чэня захватила Хойчжоу, столицу Восточного Гуандуна 8 ноября 1911 года, что привело к декларации независимости провинции на следующий день без дальнейших боевых действий. Чэнь впоследствии стал генерал-губернатором нового республиканского правительства провинции. В критический период после бурной революции его администрация предоставила Гуандуну сильное и стабильное правительство. Его достижения были, по описанию американского генерального консула, Лео Берггольца, «не меньше, чем чудо».

Связи с анархистами и эксперимент в Чжанчжоу

После провала восстания Новой армии в феврале 1910 года Чэнь Цзюньмин уехал в Гонконг, где он и десять других товарищей вместе с Лю Шифу организовали тайное революционное общество под названием «Китайский террористический союз».

Неофициальным, но безусловным лидером союза был Лю Шифу, который впоследствии стал идеологом китайского анархизма. Шесть лет спустя в Чжанчжоу, Чэнь Цзюньмин признался одному из последователей Лю: «Трудно низвергнуть бремя зла. Это еще более трудно для кого-то, кто готов взять это бремя на себя. Шифу учит людей низвергнуть его. Позвольте мне взвалить его на свои плечи на всю оставшуюся жизнь!» Чэнь решил выбрать другой подход для достижения той же цели, что и Лю. Но было между ними и общее. Шифу был широко уважаем за серьезность намерений и последовательность в воплощении в жизнь того, что проповедовал – черты, которые разделял Чэнь Цзюньмин на протяжении всей политической карьеры.

Чэнь также оказывал поддержку У Чжихуэю (1864-1953), еще одному столпу китайского анархизма. У, организатор популярного движения «прилежной работы, экономной учебы» в начале 1920-х, приехал на юг, чтобы заручиться поддержкой Чэня. С помощью Чэня ему удалось получить пожертвование в размере \$ 100,000 на фонд Франко-китайского

института в Лионе. В итоге институт, в котором смогли обучаться китайские рабочие, был открыт. У позже стал видным государственным деятелем националистической партии Сунь Ятсена и предал идеалы анархизма.

Два года (август 1918 - ноябрь 1920), что Чэнь Цзюньмин провел в Чжанчжоу, впервые предоставили ему шанс воплотить в жизнь его реформаторские идеи. Его ученичество в качестве члена Собрания провинции Гуандун и его опыт генерал-губернаторства в 1912 году теперь принесли свои плоды. Он знал, что работе по строительству сильных гражданских институтов нужно оказывать военную поддержку. В своих действиях он руководился принципами Движения за новую культуру. Идею этого движения породило возмущение, вызванное «Двадцать одним требованием» Японии и событиями 4 мая 1919 года.

Армия Чэня, которая теперь называлась Гуандунская армия, возглавлялась людьми, которые сражались вместе с ним во время революции 1911-го. Чэнь проявил себя высокоморальным главнокомандующим; его армия была самой дисциплинированной в ту эпоху.

Чэнь приступил к осуществлению программы социальных реформ и экономического развития в находящих под его контролем двадцати шести округах южной Фуцзянь. Размах реформ был таким впечатляющим, что они вскоре привлекли внимание за рубежом. Немецкая газета, например, назвала Чжанчжоу «яркой звездой на Востоке». Некоторые студенты Пекинского университета, идеализирующие новый коммунистический режим в России, были настолько впечатлены после посещения Чжанчжоу, что откликнулись в своей студенческой публикации: «Чэнь – человек, посвятивший себя революции... Практика в эпоху коммунизма не может быть лучше той, что Чэнь осуществил в Чжанчжоу... Чжанчжоу – это Москва южной Фуцзяни». Американский консул в Сямыне прокомментировал: «Китайцы увидели, что может быть сделано без чрезмерных лишений и тяжелых налогов». Действительно, некоторые современники называли Чжанчжоу «маленькой моделью Китая».

В плане культуры Чэню помогала группа «свободных социалистов», в основном последователей Лю Шифу, которые приехали в Чжанчжоу «реформировать образование, издавать книги и газеты, изменить отношение общества, поднять уровень знаний народа и трансформировать двадцать шесть округов южной Фуцзяни в здоровую и автономную область». Они верили, что этот кусок чистой и здоровой земли может служить ярким примером для остального Китая, тем самым вызвав реформу всей страны. Среди них был и Лян Бинсянь, игравший при Чэне роль эдакого Воина при Махно.

У самого Чэнь Цзюньмина было слишком мало времени, чтобы писать во время своей активной политической карьеры. Тем не менее, в Чжанчжоу ему удалось создать несколько статей и стихотворений. В его трудах отражено глубокое влияние анархических идей абсолютного равенства, моральной чистоты, демократии, взаимной помощи и освобождения от институционального ярма.

В центре первого общественного парка Чжанчжоу, который создал Чэнь как символ новой эпохи, он возвел башню. На ее четырех сторонах были написаны большими буквами четыре центральных понятия Движения за новую культуру: 自 由 (свобода), 平 等 (равенство)

(равенство), 同 bó'ài (братская любовь) и 助 hùzhù(взаимопомощь). В своей передовице в газете «Миньсин Бао» Чэнь исследовал значение этих слов и философии, лежащей в основе нового движения. Он утверждал, что Движение за новую культуру обязательно должно включать в себя реформу человеческой мысли, но он предостерегал от применения силы или чего-нибудь, что можно назвать промыванием мозгов, в процессе реформирования человеческой мысли. Он считал, что Китай должен следовать эволюционным процессом, основанном на братской любви и принципе взаимопомощи. В конце концов, по его мнению, человеческое общество разовьется до стадии, когда люди обретут счастье полного равенства и не будут страдать под рабством государств, наций или отдельных лиц. Чэнь утверждал, что необходимо великое пробуждение всякого ума, чтобы все освободились от преобладающего ошибочного мнения, что «каждый должен бороться за свое существование, не заботясь о жизни и смерти других».

В бытность студентом Академии права и политологии в Кантоне Чэнь выражал энтузиазм по поводу социального дарвинизма и даже взял себе имя Цзинчунь (борьба за существование). Теперь однако он явно отклонился от доктрины социальной эволюции, считая жестокую борьбу за существование морально неадекватной.

В то время растущего национализма Чэнь считал, что национализм уводит далеко в сторону от представления о духовном и совершенном человеческом обществе. Он энергично выступал против его догматов в качестве категорического императива. Вместо этого он верил в искренние и более прочные принципы братской любви и взаимопомощи: «Люди имеют естественную способность к братству и братской любви. Если кто знает, как любить свою страну, то почему бы не научить его полностью раскрыть свои способности и любить все человеческое общество? Быть способным любить все человечество означает, что никто не может отказаться от сочувствия к другим, так как в историческом прошлом он связан, по меньшей мере частично, со всем человечеством... Если какую-нибудь нацию угнетают сегодня, мы можем броситься ей на помощь, не ощущая никакого противоречия с состраданием, которое мы испытываем к другим народам... Разве понятие «социализма всего человечества» (同 類 共 濟 quán rénlèi shèhuì zhǔyì) не лучшая доктрина?»

В другой публикации, в «Миньсин жибао», Чэнь написал манифест с изложением миссии газеты. Он повторил темы построения нового общества путем сбрасывания ярма старого общества ради свободы, путем уничтожения классовых различий ради равенства, и отказа от конкуренции ради взаимной помощи.

Вопреки классическому анархистскому учению Чэнь был не против религии. Когда его друг Сюй Цянь, известный правовед, решил «уйти от конфуцианства, чтобы обратиться в христианство», Чэнь вдохновился написать статью во славу христианства под названием «Не быть рабом зла». В отличие от традиционных китайских учений, в глазах Чэня западная христианская религия несла реформаторский заряд. Недаром за полвека до того восставшие бедняки-тайпины вдохновлялись христианскими идеями. Чэнь отмечает, что Иисус из Назарета был человеком, который проповедовал равенство, свободу, братскую любовь и самопожертвование, и кто был готов нести бремя мучений, чтобы спасти мир. Чэнь считал христианство основной движущей силой свободы и равенства, которой наделены люди в западных странах.

Как англичане, так и американцы, не делавшие различия между последователями левых движений, в своих дипломатических отчетах иногда называли Чэнь Цзюньмина «Генерал-большевик». Но в докладе американского миссионера в Чжанчжоу консулу в Сямыне предложена более мягкая оценка: «На большом спортивном мероприятии, проводившемся здесь на прошлой неделе, распространялась большевистская литература и прозвучали несколько речей. Генерал Чэнь – сам социалист (но я не могу поверить, что самого радикального типа), по-видимому, он помогал этому движению».

У Чжихуэй посетил Чжанчжоу в 1919-1920 гг. Его замечания отражают позицию, преобладающую в то время среди большинства китайских интеллектуалов (разделял ее, в том числе, и Чэнь Цзюньминь): «Что касается марксизма, мы изучали и обсуждали его много раз в нашем издании The New Century в Париже более десяти лет назад. В конце концов, мы отвергли его [как неприменимый в Китае] ... В действительности, у каждой страны свой путь и свои условия, которые приводят к началу социальной революции. Мы понятия не имели, что там Ленин прячет у себя за пазухой».

Несмотря на то, что китайцы не были уверены, «что Ленин прятал за пазухой», они не боялись нового советского государства и не испытывали к нему неприязни. Они относились к нему с любопытством и искренне восхищались руководством Ленина в борьбе угнетенного русского народа против царского империализма. Советский Союз находился в младенчестве, а Коммунистическая партия Китая еще не родилась. Это было еще время, когда все с жаром погружались во все разнообразие новых социальных идей.

Федерализм и федералистское государство

После возвращения из провинции Фуцзянь с Гуандунской армией в ноябре 1920 года Чэнь Цзюньмин немедленно приступил к осуществлению пламенной программы по превращению Гуандуна в идеальную провинцию с тем, чтобы «завоевать доверие нации». В интервью Родни Гилберту, американскому корреспонденту шанхайской газеты North China Daily News, через два месяца после возвращения в Гуандун Чэнь описал основную философию и конечную цель программы реформ Гуандуна. Он объяснил, зачем на данном этапе нужно его правительство: «Жители Китая не достаточно организованы, чтобы выразить себя или сделать ощутимой свою коллективную волю. Однако они привыкли к самоуправлению в своих деревенских общинах, и если есть демократия в Китае, она должна будет развиваться из этих общин и их традиции самоуправления. Мы должны работать снизу вверх, а не сверху вниз, как мы и пытались сделать уже столько лет...

Мы считаем, что если мы начнем применять наши идеи в Гуандуне, и, в конце концов, добьемся успеха, наш пример побудит жителей провинций вокруг нас настаивать на аналогичной системе, и это движение распространится по всему Китаю ... Если мы получим несколько провинций, мы сможем объединить их и прибавлять другие, одну за другой, пока не преобразуемся в правительство Соединенных провинций».

В двухлетний период 1921-1922 гг, значительные и беспрецедентные результаты были достигнуты в преобразовании Гуандуна по всем направлениям – в создании современных муниципалитетов, выборах окружных судей и членов собраний, реформе образования, развитии промышленности, судебной реформе, рабочем движении, торговле и транспорте. Выборы окружных судей и членов собраний были беспрецедентными в истории Китая. Правительство Гуандуна способствовало организации профсоюзов, но «сурово предостерегало» их от забастовок в качестве средства для урегулирования трудовых жалоб. В то же время, правительство запустило кампанию по ликвидации неграмотности среди рабочей силы путем создания вечерних школ на заводах. К началу 1922 г. насчитывалось более 130 союзов, зарегистрированных провинциальным правительством, представляющих более 300 000 членов. Союз механиков был одним из самых сильных, а его лидерами были видные анархисты.

Без письменных законов и с небольшим опытом, губернатор Чэнь взял на себя претворение в жизнь того, что работники передовых промышленно развитых стран получили только десять лет спустя, – права работников на ведение коллективного трудового спора через их собственное представительство без вмешательства, ограничения или принуждения со стороны работодателей. Используя этот подход, он помог урегулировать крупную забастовку гонконгских моряков 1922 г. У Чэня была похожая идея по организации крестьянских союзов в качестве средства для аграрных реформ; он применил ее на практике в Восточном Гуандуне в 1923-1925.

Идея Чэнь Цзюньмина о построении демократии снизу вверх очевидно имела анархическое происхождение. Известный американский педагог и философ Джон Дьюи, который посетил Китай с двухлетним курсом лекций в 1919-1921, высоко оценил Чэня и федералистскую программу в Гуандуне. Дьюи посетил Гуандун весной 1921 г. В июле он написал в The New Republic о взглядах Чэня на объединение Китая «самими людьми, используя не силу, но методы нормальной политической эволюции».

В то время как в начале 1921 года Собрание провинции Гуандун работало над провинциальной конституцией, Чэнь Цзюньмин разрабатывал «план преобразования» – предложение по национальной конституции. План был, по сути, политической инициативой гуандунских федералистов, которые стремились к незамедлительным мерам, чтобы достичь объединения страны. На севере Ху Ши и ряд видных ученых, писавших для пекинского периодического «Нули чжоубао», советовали как Сунь Ятсену, так и У Пэйфу, что только принятие федеральной системы власти может спасти страну от расчленения военачальниками. Раскол внес Чэнь Дусю, впоследствии ставший основателем Коммунистической партии Китая. Чэнь Дусю подверг федералистов яростным нападениям: «Те, кто выступает за «федерацию провинций», просто используют «федерацию самоуправляющихся провинций» как предлог, чтобы осуществить захват территорий военными губернаторами».

После заключения союза с Коммунистической партией Китая в 1924 году Сунь Ятсен выбрал ту же линию нападения, что и Чэнь Дусю: «Если мы должны будем подражать американской федеральной системе и преобразуем Китай в Соединенные провинции, для каждой провинции будет необходимо иметь свою конституцию и управлять собой. После того, как провинциальные конституции будут воплощены в жизнь, можно будет создать федеральную конституцию».

Но в реальности это преобразует единый Китай в двадцать независимых частей, а затем их нужно будет воссоединить, так же, как десять старых независимых штатов Америки сто лет назад. Это решение ... абсолютно неправильно».

Сунь никогда не обсуждал плюсы и минусы федеральной системы власти в Китае. Вместо этого, для того, чтобы развить свои доводы, он играл с двумя парами антонимов, – «объединенный» (統一 tǒngyī) против «раздельный» или «разъединенный» (分裂 fēnliè), и «централизованное правительство» (集权 jíquán) против «децентрализованного или федерального правительства» (分治 fēnzhì). Сунь вел своих слушателей к мысли, что единая система провинций, в которой власть разделена между центральными и местными органами власти (分治), была на самом деле разъединенной или раздробленной (分裂) структурой. Сунь также ошибочно использовал термин «объединение» (tǒngyī), как синоним сосредоточения всей власти в центральном правительстве (jíquán). Следуя советскому примеру, объединение силой в высоко централизованный режим, функционирующий в соответствии с пожеланиями партийного лидера, стало единственной и безальтернативной программой реорганизованной партии Суня в 1924 году.

Такое слияние слов – tǒngyī и jíquán – имело большую привлекательность для разделенной нации. С помощью советских методов массовой пропаганды и политических действий Суню

удалось дискредитировать федералистский принцип построения демократии снизу вверх, доктрину, которая была необычайно популярна в Китае на протяжении более десяти лет.

Для того, чтобы развеять опасения китайского народа о создании тоталитарного государства в советском стиле, Сунь окутал свою программу двумя новыми принципами. В Декларации националистической партии на ее первой национальной конвенции в январе 1924 года Сунь объявил о принятии принципа равенства власти (均權 jūnquán zhǔyì) и о введении уездного (縣 xiàn) самоуправления. По его модели, разделение власти между центральными и местными органами «не будет походить ни на централизованную (中央 zhōngyāng jíquán), ни на децентрализованную (地方 dìfāng fēnquán) систему управления». Губернатор провинции должен быть избран народом, но он «получает приказы по исполнению своих обязанностей от центрального правительства». Уезд считается основной единицей местного самоуправления. В сущности, то, что предложил Сунь, было советского типа федерацией «самоуправляющихся» уездов.

После поражения Гуандунской армии в 1925 году от обученных и снаряженных Советским Союзом сил Суня, Чэнь Цзюньмин переехал в Гонконг, где продолжал искать объединения Китая политическими средствами. В своей книге «Предложение по объединению» Китая, опубликованной в 1927 году, Чэнь видит китайский федерализм координирующим четыре уровня географического разделения – село, район, уезд или город, и провинцию – с двумя типами организации, традиционной географической и профессиональной или торговой. Здесь отражена анархическая система «крайней» децентрализации, при которой власть делегирована вверх от самой маленькой единицы – поселка или села. Новое участие профессиональных или торговых организаций напоминает о бакунинской свободной федерации рабочих союзов, как индустриальных, так и земледельческих, научных и литературных.

В последние годы в Гонконге Чэнь выступает за расширение федералистского принципа на преобразование Азии, Европы и Америки, ведущее, в конечном счете, к всемирной федерации:

1. Строительство Китая на принципах равенства благосостояния, равенства прав и равенства возможностей.
2. Преобразование Азии в организованную единицу является краеугольным камнем всемирной организации. Для того, чтобы достичь мировой гармонии, Азия, Европа и Америка должны быть отдельно организованы в федерации.
3. Организация мира в федерацию на основе принципа равенства и мирного сосуществования. Упразднение военных организаций в каждой стране. Китай должен играть роль члена-основателя в этой всемирной федерации.

В следующие после 1920 годы многие люди во всем мире поддерживали идею мирового федерализма, устав от бессмысленной бойни и разрушений во имя национализма во время Первой мировой войны. Была создана Лига Наций, но это болезненно слабое учреждение не могло противостоять силам фашизма и нацизма. Многие китайские интеллектуалы надеялись на Лигу Наций; в частности, среди них был марксист Ли Дачжао. Ли видел исторический прогресс в более высоких уровнях организации: «Южная Америка, Европа и

Азия – каждая объединится. В конце концов, они объединятся друг с другом и упразднят все расовые и национальные границы».

Кажется, нет существенной разницы между тем, за что выступал Чэнь Цзюньмин, и что предсказывал Ли Дачжао, при продвижении к миру Великой гармонии. Важное отличие заключается в стратегии, которая выбирается для достижения целей. Федералист Чэнь Цзюньмин применял концепцию федерации каждого уровня организации, построения демократии снизу вверх – стратегии анархистской, цели которой не должны быть отделены от средств в процессе изменений. Ли Дачжао применял марксистский подход. Для анархистов цель марксистов не обязательно неправильна, но «учитывая методы, которые они защищают, можно быть уверенным, что они никогда не достигнут ее».

Итоги

Темы национализма, революции и коммунизма доминировали в изучении современной китайской истории с конца периода Цин до настоящего времени. Анархизм и федерализм уже давно игнорируются теми, кто смотрит на историю глазами победителей. Как отмечает историк Джеймс Джолл, «убеждение, что только триумфатор должен вызывать интерес историка, приводит к игнорированию многого в прошлом, что является ценным и любопытным, и сужает наш взгляд на мир».

Первая четверть двадцатого века был золотым веком для китайских интеллектуалов. В конце движения цинских реформ издавалось около ста журналов, содержащих многочисленные очерки западной мысли и практики. В течение шести месяцев студенческого движения Четвертого мая в 1919 г. в газетных киосках появилось более четырехсот новых периодических изданий. Известный педагог Цай Юаньпэй позже с ностальгией вспоминал ситуацию 1910-х и 1920-е годов: «В то время свобода мысли и слова были практически безграничны».

Кардинальный поворот произошел в 1924 году, когда Сунь Ятсен реорганизовал националистическую партию по образцу Советской России и осуществил «партификацию» (党 的 军 事 化) образования, государственной службы, судебной системы и вооруженных сил. Через четыре года после смерти Суня, в 1929 году, Ху Ши, в то время бывший ректором частного университета в Шанхае, писал: «[В настоящее время] отрицание существования Бога является приемлемым, но критика Сунь Ятсена запрещена... запрещено не читать «Завещание» Суня или не соблюдать еженедельную памятную церемонию». С этого времени самой влиятельной теорией всегда считались речи и статьи правителя.

Приверженность Чэнь Цзюньмина федерализму был естественным продолжением его опыта и философии. Он верил в реформы снизу вверх. Он считал, что страна должна опираться на свои исторически сильные стороны, особенно на многолетний опыт самоуправления на местном уровне. Чэнь думал, что, укрепляя этот потенциал, его товарищи китайцы научатся успешно управлять собой на региональном и в конечном счете на национальном уровне. Джон Дьюи писал в *The New Republic*, что он жил «почти спартанской жизнью в стране, где официальная должность в значительной степени ценится за роскошь, которую она сулит».

Чэнь Цзюньмин пытался применять анархистские идеи к той реальной ситуации, в которой он существовал. Иногда ему приходилось отходить от идеального анархизма, иногда удавалось приближаться к нему. Но прежде всего он был человеком, полностью преданным воплощению в жизнь того, за что выступал.

Ильяс Фалькаев

Материал был подготовлен для журнала "Автоном". Редакция журнала будет благодарна поддержке с вашей стороны:

Ба Кин – «Духовный сын Эммы Гольдман»

Источник: [здесь](#)

Мало кто знает, что один из первых китайских анархистов умер совсем недавно, в 2005 году, в возрасте 100 лет. В русской википедии нет ни слова о его анархизме. Просто рассказывается об одном из крупнейших писателей Китая Ба Цзине. На самом деле, по-русски правильнее сказать, что его звали Ба Кин – это был псевдоним от первых и последних букв фамилий Бакунина и Кропоткина, перед которыми он преклонялся.

Ба Кин родился в 1904 году в городе Чэнду в семье крупного землевладельца. Он описывал свой патриархальный семейный дом, как деспотичное королевство, экономически благоустроенное, но духовно удушливое. В возрасте 15 лет он вырвался из этой затхлой атмосферы, под влиянием статьи Кропоткина «Призыв к молодежи» и работ Эммы Голдман, которую он впоследствии называл своей «духовной матерью», вступив в местную анархистскую группу «Общество равенства». Он стал самым активным членом группы,

принимая участие в студенческих демонстрациях против местных милитаристов, распространяя революционные листовки и организовав читальный зал в редакции местного анархистского журнала, в котором он начал публиковать свои статьи. Его вдохновляли примеры русских революционеров 19-го столетия, ходивших в народ, о чьих судьбах он узнавал из сочинений писателей, таких как Тургенев, которого он позже перевел на китайский язык.

В 1923 году Ба Кин окончательно покинул Чэнду, уехав учиться вначале в Нанкин, а затем в Шанхай. Продолжая активно участвовать в анархистской деятельности и заниматься публицистикой, он выпустил памфлет, посвященный мученикам Хеймаркета. С 1927-го по 1928-й год Ба Кин жил во Франции, где познакомился со многими анархистами, включая Александра Беркмана, чью книгу «Теперь и потом: азбука коммунистического анархизма» (или «Что такое анархизм?») он впоследствии перевел и адаптировал, выпустив под названием «От капитализма к анархизму». Во Франции он также вступил в переписку с Бартоломео Ванцетти, ожидавшим казни в Массачусетсе. Он был глубоко потрясен казнью Сакко и Ванцетти и позже написал памфлет на эту тему «На эшафоте».

Во Франции Ба Кин закончил «Разрушение», первый из своих романов, основанный на сюжетах из борьбы молодых китайских революционеров. В 1931 году он написал роман «Семья», признанный его величайшим произведением, и с тех пор получил широкую известность как писатель. В 1931 году произошло первое японское вторжение в Китай, предшествовавшее полномасштабной войне 1937-45 годов. Ба Кин интенсивно писал пропагандистские статьи для антияпонского сопротивления, не прекращая работать и над анархистскими материалами и переводами трудов Кропоткина. За несколько лет Ба Кин опубликовал больше десяти романов и сборников рассказов. В своем письме Эмме Голдман он пишет: «Пять лет пролетели быстро. Я не писал тебе писем и не публиковал никаких новостей в тех газетах, которые к тебе попадают. Наверное, ты думала, я уже умер. Ведь это так просто, обычное дело для молодого человека, погибнуть в этой объятый хаосом стране; возможно, ты могла подумать что-то подобное. Ведь если не это, то почему же, возвратившись в родную страну, я стал подобен камню, потонувшему в море без малейшего звука? Э. Г., я не умер, но я нарушил свое обещание. Я не сделал ни одну из тех вещей, на которые изначально был готов. Как только я вернулся в эту страну, я стал пленником различных странных обстоятельств. Я не сопротивлялся, просто позволяя пустячным делам иссушать мою энергию и жизнь. Поэтому я наказал себя молчанием. В твоих глазах я был мертв, я убил себя. Я думал, что, возможно, как-нибудь после работы, ты и А. Беркман вспомните о моей смерти и пару раз тяжело вздохнете. Э. Г., какие длинные, мучительные пять лет это были! Я до сих пор не понимаю, как их пережил. Но сейчас, когда все это время отошло вдаль, оно вспоминается просто как ночной кошмар. Все, что от него осталось - это десяток с лишним романов: эти книги высосали, я не знаю, сколь много моих крови и слез. Но только ты можешь понять эти обстоятельства. Только ты можешь догадаться, сколь жалкой была та жертва, что я понес в эти годы. Эта жертва ничем не оправдана. Только ты это знаешь. Когда я был пятнадцати лет отроду, ты пробудила меня и спасла от пропасти в последний момент. Затем, когда в 1927 в Бостоне двое невиновных рабочих были приговорены законом к электрическому стулу, и голос рабочего класса был задушен, я изливал тебе мои боль и искренность и молил тебя о помощи. Ты утешала меня много раз своей дружбой и ободрением и учила меня много раз, делаясь своим богатым опытом. Твои

прекрасные письма были мне огромной поддержкой, когда я получал возможность их читать. Э. Г., моя духовная мать (ты разрешила мне так тебя называть), ты - дочь мечтаний (как раньше звал тебя Л. П. Эбботт)...

Сейчас мои образование, жизнь и сознание обсуждаются теми, кто не может понять, что я писал, что я думаю, и что такое моя жизнь. Они создали меня своим извращенным сознанием и атакуют этот образ публично и тайно. Поскольку мои романы полностью затмевают мои поведение и идеи, результатом становится множество недопониманий, мое имя связывается то с нигилизмом, то с гуманизмом, хотя я написал книгу почти в триста страниц, чтобы объяснить свои идеи (эта книга крайне проста для восприятия и не содержит никаких метафизических терминов). Те, кто говорят обо мне, никогда ее не читали... В прошедшие пять лет я попал в эту ловушку и так и не смог из нее выбраться. Я ненавижу себя, ненавижу книги, которые я написал; я решил наказать себя молчанием. В эти пять лет я ни разу не связывался с тобой; я сам перекрыл источник своего вдохновения и поддержки...

Теперь я прочитал твою двухтомную автобиографию «Живя своей жизнью». Эти две книги, полные жизни, глубоко меня потрясли. Грохот сорока лет, словно весенний гром, стучал в двери моей живой могилы на протяжении всей книги. В это время мое молчание потеряло свой смысл, огонь моей жизни был снова зажжен, я снова воспрял к жизни и пошел вперед, через великую боль, безмерную радость, мрачное отчаяние и восторженную надежду, через вершины и пропасти жизни. Я буду спокойно продолжать жить по принципам, которым ты меня научила, до самого своего конца».

Но все изменилось с победой коммунистов в 1949 году. Отныне в сочинениях Ба Кина невозможно найти ни слова анархистской тематики. Готовя переиздания, он заново переписывал многие свои старые работы. Как пишет исследовательница его творчества Ольга Ланг, он начал удалять из своих произведений буквально все, что касалось принадлежности его героев к анархизму или даже их симпатий: названия книг, которые они читали, картин на стенах их квартир, цитаты из анархистских книг и упоминания имен их авторов. Сложно сказать, он делал это из-за давления, боязни или искреннего признания коммунистической революции – ведь многие герои его книг по большому счету были просто революционерами без каких-либо «измов» или жителями беднейших деревень, страстно жаждущими перемен. Мы никогда доподлинно не узнаем, что заставило его «страстное сердце» отказаться от своей «духовной матери», забыть учителей и друзей. Но один факт остается непреложным - после революции 1949 года он не написал ни одного романа и сколько-нибудь значимого художественного произведения.

Однако, когда режим позволял это, Ба Кин был снова готов высказаться. В 1962 году, когда партия казалась терпимой к новому более творческому и спонтанному стилю в литературе и даже отчасти способствовала его продвижению, Ба Кин выступил с речью «Смелость и чувство ответственности у писателей». Это был сильный протест против литературных бюрократов и наказ писателям быть борцами, защищать правду и свое собственное видение реальности.

Расплата пришла во время культурной революции (1966-1976). Мао напустил свою «красную гвардию» на врагов-бюрократов. Гонениям подверглись и писатели, включая Ба Кина - во многом, из-за его анархистского прошлого. Призыв «в народ», из оптимистичного плана по воодушевлению на социальные изменения, как это было для русских народников девятнадцатого века, превратился в наказание за независимое мышление или нелояльность.

20 июня 1968 года Ба Кина приволокли на Народный стадион в Шанхае. Те, кто там присутствовал и те, кто наблюдал эту сцену по телевидению, видели, как его поставили на колени на битое стекло и слышали крики, обвинявшие его в предательстве и вражде к Мао.

Они также слышали, как в самом конце экзекуции он прервал свое молчание и закричал изо всех сил: «У вас свои мысли, а у меня - свои. Это - факт, и вы не сможете его изменить, даже если убьете меня».

Но самое страшное случилось в 1972 году, когда его жене, умиравшей от рака, было отказано в необходимой медицинской помощи. В эти годы Ба Кин придавал себе силы, перечитывая «Ад» Данте. В 1977 году он был реабилитирован и возвращен на литературный пьедестал как уважаемый автор старшего поколения.

В отличие от большинства его анархистских товарищей, мы в состоянии обрисовать жизнь Ба Кина - во многих отношениях, он был защищен своей писательской славой. Столкнувшись с тоталитарным режимом, он мог бы подчиниться и подписать по требованию властей любой новый лозунг, но не сделал этого. Сказать что-либо более определенное касательно его политической позиции в то время довольно трудно, поскольку цензура и самоцензура заводят нас в туманный мир кодов и значимого молчания.

Но некоторые его слова позволяют судить, что за годы мытарств дух его свободолюбия не был полностью уничтожен. Читая лекцию в Киото в 1980 году, он заявил: «Я не пишу, чтобы зарабатывать на жизнь или создать себе репутацию. Я пишу, чтобы сражаться с врагами. Кто они? Каждый устаревший традиционный взгляд, каждая нерациональная система, что стоит на пути социального прогресса и человеческого развития, и каждый случай жестокости наперекор любви. Это мои великие враги. Мое перо сверкает пламенем и тело пылает огнем. Пока оба не сгорят дотла, мои любовь и ненависть останутся в этом мире».

Ба Кин где-то оступался, где-то шел вперед, от многого отрекался, но во многом был тверд. Для кого-то он останется одним из самых глубоких китайских писателей, а анархисты еще вспомнят его как самого главного пропагандиста анархизма в Китае, переводчика Кропоткина и Беркмана.

Публикуемая ниже небольшая статья Ба Кина, конечно, во многом устарела и кажется наивной, но она представляет крайне характерный пример его творчества и взглядов в то важное для Китая время. Поэтому, на наш взгляд, читателям будет небезынтересно с ней ознакомиться, к тому же это чуть ли не первая публикация публицистических трудов Ба Кина на русском языке.

Ба Кин. Национализм и дорога к счастью для китайцев

Китайское общество находится сейчас в самой мрачной стадии. В нынешних обстоятельствах молодые люди становятся слабыми и бессильными, не имея никакой власти, чтобы противостоять всеобщему разложению. Даже самые храбрые могут только сохранять молчание и покоряться судьбе. Когда все так действительно невыносимо, единственным выходом становится самоубийство. Китай парализован; где мы можем обрести счастье? Некоторые сознательные молодые люди верят, что единственный путь исправить нынешнюю китайскую ситуацию - это пропаганда национализма, и считают национализм единственной дорогой к счастью для китайцев. Призывы к национализму распространились среди всей нации. Я содрогаюсь от этой мысли. Национализм, в действительности - это преграда на пути к человеческому прогрессу. Будучи членом этого общества, я не могу принять национализм наперекор своей совести. Я должен спорить с национализмом и показывать реальную дорогу к счастью для китайцев. Мои слова искренни, и я хочу добиться симпатии у людей, которые отказываются игнорировать свою совесть.

Что такое национализм? Толстой говорит: «Национализм - это место казни. То, что он осуществляет - это искусство убийства, то, что он обсуждает - это способы убийства. Он не имеет ничего общего с реальной жизнью масс». Эти слова могут кому-то показаться нелепыми, но они точно схватывают сущность национализма. За исключением хладнокровных милитаристов и политиканов, все люди ненавидят войну. Причиной войны часто служит «любовь к одной нации». Если люди любят друг друга и счастливо работают вместе, то не может быть никакой войны. После рождения нации во время «эры животных страстей» зародился национализм, чьими причиной и целью были эгоизм и алчность. К примеру, если одно государство хочет расширить свою территорию, оно жертвует своими людьми, чтобы захватить другие нации во имя удовлетворения своей животной страсти. Если оно выигрывает, только политиканы и милитаристы могут насладиться плодами успеха. Если же оно терпит поражение, люди должны страдать, чтобы восполнить военные издержки. Приносит ли это пользу массам? Бедные массы, понимают ли они, что национализм - это оружие, которое убивает их любимых отцов, сестер и братьев? Вот только один пример доказывающий, что национализм - это монстр убийств: в конце 19-го столетия немецкое государство пропагандировало националистический дух и ввело воинскую обязанность. Все взрослые мужчины должны были служить в армии, даже школьники и монахи должны были следовать приказам милитаристов и политиканов и убивать гражданских. Когда им было приказано разгромить забастовку рабочих, они были должны убивать даже собственных родственников, которые принимали участие в забастовке. Если это не пример жестокости, я не знаю в мире ничего другого, что могло бы быть более жестоким.

Мой довод против национализма - это то, что развитие национализма приведет Китай не к счастью, а к несчастью. Есть только один путь к счастью, и мы можем его достичь, сокрушив следующие системы:

1. Государство: государство - организация власти, которая защищает закон, убивает нас, отнимая наше право на средства к существованию, унижает нас и помогает капиталистам грабить бедных. Государство создает закон, чтобы ограничить нашу свободу, оно принуждает нас сражаться с нашей миролюбивой природой, оно поощряет нас состязаться с людьми других наций, в то время как мы хотели бы помогать друг другу. Государство всегда действует против нашей природы, оно никогда не делает ничего, что шло бы нам на пользу. Более того, государство - это источник национализма. Мы должны сокрушить государство, если мы ищем счастья.

2. Частная собственность: частная собственность - это награда за грабеж. Изначально собственность была общей для всех людей. Однако некоторые из них, используя свой интеллект или свою силу, начали захватывать общественную собственность и сделали многих людей бездомными. Они также начали нанимать людей, чтобы те на них работали. Продуктами, которые производят рабочие, обладают только их боссы. Это пример самой большой несправедливости во всем мире. Более того, система частной собственности заставляет людей соревноваться друг с другом, возрастает преступность и падает мораль. Мы также видим, что государство полагается на систему частной собственности, чтобы выжить. Поэтому, стоит нам отказаться от системы частной собственности, мы легко сокрушим государство.

3. Религия: религия ограничивает людской разум и препятствует человеческому прогрессу. Религия учит нас верить в суеверия, в то время как мы должны искать правду, религия поощряет нас быть консервативными, в то время как мы должны действовать прогрессивно. Христиане говорят: «Бог - всемогущ, Бог - это правда, справедливость, добродетель, красота, сила и жизнь, в то время как человек - это обман, несправедливость, порок, уродство, бессилие и смерть. Бог - это хозяин, а человек - это раб. Человек никогда не может найти справедливость и правду самостоятельно, бессмертие дается властью Бога. Бог создает мир и посылает королей и чиновников представлять себя. Поэтому люди должны также стать рабами наших королей и чиновников». (Это то, что английский король Чарльз I подразумевал под «божественным правом королей».) Это смысл христианства. Могущественное христианство является характерным примером и остальных религий. Бакунин прав, когда говорит, что если бы существовал реальный Бог, мы должны были бы его уничтожить. Так давайте попробуем!

Все перечисленные выше системы - это наши враги. Мы должны сокрушить их, чтобы найти наш путь к счастью. После того, как мы устраним их, мы перераспределим богатство, дадим людям независимость, чтоб они смогли организовать и помогать друг другу. От каждого по его способностям, каждому - по его потребностям. Личность стремится принести пользу обществу, общество стремится защитить личность. Разве это не счастье? Но достижение счастья будет стоить нам огромной крови. Бакунин сказал: «Революция - это самое увлекательное и приятное предприятие! Вы предпочтете влачить жалкое существование, сгибаясь под пагубной властью, или честно рискнете своей жизнью, сражаясь против дьявола, не отступая назад!» Как захватывающе и смело! Я надеюсь, наши друзья присоединятся к нам с пламенным духом, чтобы исполнить самое увлекательное и самое приятное предприятие революции. Вместе пойдем вперед по дороге счастья!

1921

Подготовил Ильяс Фалькаев

Шифу – первый
стрэйтэджер из Гуанчжоу

Шифу

Настоящее имя Шифу было Лю Шаобинь. Родившись в 1884 году в городке Сяншань близ Кантона, он стал прекрасным классическим студентом, но черты революционера проявились в его характере еще до того, как он покинул Китай. В 1904 г. он отправился в Японию продолжать образование и в следующем году принял активное участие в организации суньятсеновского Объединенного союза. Однако Лю изучал не только академические науки. Он также постигал искусство изготовления взрывчатки, но, судя по дальнейшим событиям, не столь успешно.

Дом, где родился Шифу

В 1906 г., узнав, что Сунь Ятсен готовит восстание в Квантуне, Лю вместе со многими другими студентами покинул Японию. Однако, достигнув Гонконга, Лю остался там и стал редактором местного журнала. В следующем году было решено, что успешному восстанию в Квантуне может способствовать убийство губернатора или командующего флотом. Последний, Ли Чжунь, был выбран мишенью, и Лю вызвался быть палачом. Однако по халатности Лю бомба взорвалась преждевременно. Он был серьезно ранен и потерял все пальцы на левой руке. Этот инцидент привел к его аресту, и, хотя полиция не смогла точно доказать его вину, Лю провел почти три года в сяншаньской тюрьме. Он был отпущен только благодаря тому, что местные власти настолько восхищались его литературными трудами, что послали петицию с просьбой об его освобождении в вышестоящие инстанции.

На этом месте располагалась тюрьма, где в 1907 г. сидел Шифу. Сейчас здесь мемориальный дом Сунь Ятсена

В 1909 г., после выхода из тюрьмы, Лю вернулся в Гонконг. Во время заключения и после его взгляды постепенно смещались в сторону анархизма. В Гонконге Лю организовал тайное революционное общество «Китайский террористический союз». Церемония принятия новых членов выглядела крайне серьезно. Она проходила в полночь в зале, стены которой были увешены черной тканью. Посреди зала находился стол, покрытый белой тканью, на столе лежал череп, рядом с ним стояла белая свеча. Кандидата оставляли на какое-то время наедине с черепом и лишь потом посвящали в планы организации. Все члены союза

делились на две группы – исполнителей и тех, кто помогал деньгами. Союз осуществил убийство маньчжурского генерала Фэншаня, но потерпел неудачу в двух других попытках терактов, потеряв двух своих членов. Союз также планировал ликвидацию принца-регента Цзай Фэна, но помешала революция 1911 года. После объявления о независимости провинции Гуандун, союз добровольно распался. Будто гнушаясь мирской славы, его члены решили сохранить историю союза в тайне. Они сожгли все документы общества, но не смогли уничтожить некоторые подробности прошлого, хранившиеся в их памяти. Деятельность общества была покрыта мраком в течение нескольких десятилетий, пока двое выживших не решились нарушить свое молчание.

В 1912 году Лю основал в Кантоне «Общество кричащих во тьме». Целью нового общества была пропаганда анархизма на массовом уровне, двигаясь от «деструктивной» к «конструктивной» работе. В статье, призывавшей продвигать идеи анархизма среди простых людей, Лю излагает свою цель: «Все люди мира – братья. По своей природе мы любим друг друга. Но правительства изобрели патриотизм. Солдаты натренированы убивать... Законы устанавливают обычаи, как сказано великим анархистом Кропоткиным... Беспорядки происходят от раздора, а раздоры от порочного общества, и когда общество порочно, законы не способны сделать что-то хорошее... Для жизни необходимы одежда, еда и дом. Одежда, еда и дом происходят от вещей, а вещи – это продукт земли и труда... Анархия разрушает систему частной собственности и приводит к коммунизму. Каждый работает как может и получает, что хочет... Больше нет раздоров из-за денег... Все живут равной жизнью и свободны в работе. Общество грызни превращается в общество любви. Если мы сможем избавиться от борьбы из-за собственности и похоти, уничтожив институты частной собственности и женитьбы, то убийств станет на 80-90% меньше». Это будет бесклассовое общество, где все будут работать. Не будет правительства, армий, полиции и тюрем, не будет законов и постановлений, только свободно организованные группы, распределяющие работу и производство для того, чтобы удовлетворять нужды людей. Не будет института женитьбы. О матерях и детях будут заботиться в общественных больницах. Все люди от шести до двадцати или двадцати пяти будут получать бесплатное образование. После окончания учебы они будут работать до сорока пяти или пятидесяти лет, а затем о них будут заботиться в общественных домах престарелых. Религия всех видов будет отменена, и вместо нее распространится «обычная мораль взаимопомощи». Каждый человек будет работать от трех до четырех часов ежедневно. Образование будет даваться на эсперанто, «местные языки» медленно отомрут. Лю объясняет, как достичь этого идеалистического общества Великой Гармонии: «Принцип анархизма не может быть легко понят невежественными людьми. Ответственность за то, чтобы пробиться к ним, лежит на интеллектуалах. Проповедуя анархизм, нужно сделать его принципы доступными. Когда большинство людей поверят в анархизм, правительство будет упразднено. В это время меньшинство населения может быть не сведущим в принципах, но не будет никакой сложности в том, чтобы добиться их понимания. Все средства массовой коммуникации должны распространять эти идеи среди людей – «газеты, книги, речи и школы». В период пропаганды несколько дополнительных методов должны быть использованы: сопротивление налоговым сборам и военной обязанности, и также забастовки. Когда назреет время, произойдет народная революция, которая свергнет правительство и капитализм». Лю проповедовал пассивное приближение путем убеждения и примера. Он был уверен, что для преобразования общества необходимо личное возрождение. В то же

время сам Лю и его последователи были людьми действия. Кроме издания журналов и памфлетов они руководили школами по изучению эсперанто и даже попытались создать деревню Великой Гармонии. Все три года активной деятельности общества вплоть до своей преждевременной смерти от туберкулеза в марте 1915 года, Лю оставался одним из столпов нарастающего движения. В 1913 году вдобавок к «Обществу кричащих во тьме» Лю основал «Общество совести», которое было предназначено стать подготовительной организацией для полноценного анархистского движения. Он сформулировал двенадцать условий для членства в обществе. Вот эти знаменитые условия:

Двенадцать заповедей анархиста

- 一、不食肉
- 二、不饮酒
- 三、不吸烟
- 四、不用仆役
- 五、不婚姻
- 六、不称族姓
- 七、不做官吏
- 八、不坐轿及人力车
- 九、不做议员
- 十、不入政党
- 十一、不做海陆军
- 十二、不奉宗教

1. Не есть мясо
2. Не пить алкоголь
3. Не курить
4. Не иметь слуг
5. Не жениться
6. Не пользоваться фамильным именем (поэтому Лю поменял свое имя на Шифу)
7. Не поступать на государственную службу
8. Не ездить в паланкинах и на рикшах

9. Не участвовать в парламентской деятельности

10. Не вступать в политические партии

11. Не служить в армии или флоте

12. Не иметь религии

Смерть Шифу сильно ударила по китайскому анархистскому движению. Лишившись идейного лидера, его участники некоторое время как будто пребывали в растерянности. Однако анархистские принципы были по-прежнему популярны в среде молодой китайской интеллигенции. Анархистские общества продолжали функционировать или были сформированы в Пекине, Нанкине, Шэньси и Шанхае. Постепенно идеи анархизма проникли в студенческую среду Пекинского университета и других вузов. Студенческие журналы наполнились причудливой смесью анархизма, социализма и демократических идей. Новым бесспорным центром интеллектуальной жизни стал Пекин. К концу Первой мировой войны анархизм обрёл вес и сделался, наверное, доминирующей силой радикального авангарда в Китае.

Подготовил Ильяс Фалькаев (по материалам статей Р.Скалапино с исправлениями, Л.Чена и китайским источникам).